

Здесь начинался Санкт-Петербург. Гостиный двор и Троицкая площадь на Городовом острове. Гравюра Алексея Ростовцева. 1716 год.
Внизу. Смиренный Феофан, архиепископ Новгородский. Резцовая гравюра с оригинала Филиппа Мейера. XVIII век.

This is where St Petersburg began. The Merchants' Yard and Trinity Square on City Island. Engraving by Alexey Rostovtsev. 1716.
Below. Feofan the Meek, Archbishop of Novgorod. Carved engraving from the original by Filipp Meyer. 18th century.

Датский путешественник фон Хаген, побывавший в Петербурге в 1736 году, записал впечатления от встречи с архиепископом Новгородским Феофаном: «Этот господин покровительствовал реформе Церкви, которую проводил император Петр Первый... В молодости он много лет путешествовал почти во всех странах Европы и Азии. Во всякого рода учености он мало имел, если имел вообще, себе равных, особенно среди русско-го духовенства. Помимо истории, богословия и фило-софии он обладал чрезвычайно глубокими познаниями в математи-ке и имел к ней особую склонность. Он знал много европейских языков, умел понимать и говорить на них и уже в преклонном возрасте со всем прилежа-нием занимался ими».

The Danish traveller von Hagen, who visited St Petersburg in 1736, recorded his impressions of a meeting with Archbishop Feofan of Novgorod: "This gentleman facilitated the reform of the Church that Emperor Peter I carried out... In his youth he spent many years travelling in almost all the lands of Europe and Asia. In every manner of scholar-ship he had few equals, if indeed any, especially among the Russian clergy. Apart from history, theology and philosophy, he had an exceptionally profound knowledge of mathematics and a particular inclination for it. He knew many Euro-pean languages, being able to understand and speak them, and even at an advanced age studied them with all diligence."

Евгений АНИСИМОВ / by Yevgeny ANISIMOV

The Fate of a Green-Eyed Fox: Archbishop Feofan Prokopovich

**Судьба
зеленоглазого
пройдохи:
архиепископ Феофан Прокопович**

Киево-Могилянская академия всегда была источником учености, которую впитывала Русская Православная Церковь, родная дочь Византийской церкви. Студенты Могилянской академии. Гравюра XVII века.

The Kiev Mogila Academy was always a fount of erudition that nourished the Russian Orthodox Church, the daughter of the Church of Constantinople. Students of the Mogila Academy. 18th century engraving.

Первый биограф Феофана академик Готтлиб Байер писал, что его герой был «зеленоглазым холериком сангвинического темперамента». Путешествия и приключения в Европе очень многому научили молодого человека...

In the first biography of Feofan, Academician Gottlieb Bayer wrote that the archbishop was "a green-eyed choleric with a sanguine temperament". The young man learned a great deal from his travels and adventures in Europe...

Все это правда — человека более образованного, чем Феофан, не было в то время в России. Но отнюдь не образованностью он прославился в истории России XVIII века, а совсем иными качествами — приспособленчеством и циничным прагматизмом.

Сведения о его происхождении весьма туманны. Возможно, он был сыном разорившегося купца или чьим-то незаконнорожденным отпрыском, но несомненно одно: мальчик по имени Елеазар рано лишился родителей. Участие в судьбе сироты принял дядя — ректор Киево-Могилянской академии Феофан Прокопович, в которой талантливый юноша получил прекрасное образование. Затем он совершенствовал знания во Львове и после принятия униатской веры прошел пешком почти всю Европу. В Польше и Германии он посещал знаменитые протестантские университеты и вскоре добрался до самого Рима.

Елеазар учился в Ватикане (и скорее всего, принял католицизм), но какие-то обстоятельства вынудили его поспешно и тайно бежать оттуда на родину. Он вернулся в родное лоно Православной Церкви и при пострижении в монахи взял имя своего дяди. В Киеве не могли не заметить талантливого, живого и образованнейшего чернеца: с 1705 года стал профессором поэтики в родной акаде-

мии. А вскоре ему представился случай решительно изменить свою судьбу: на торжественном богослужении в Киеве в честь Полтавской победы 1709 года в присутствии Петра I Феофан произнес столь блистательную речь, что царь отметил оратора и впоследствии привлек к государственному делу. Этим «делом» стало реформирование Русской Православной Церкви, казавшейся Петру архаичной и оппозиционной его власти. Она не укладывалась в стройную систему «регулярного» государства, которое создавал царь.

Среди иерархов Русской Церкви не было умелых проводников идей царя, а большинство было против петровских реформ. Да и сами мысли Петра на сей счет были весьма туманны. Он хотел в целом произвести некие «исправления», навести порядок в духовном чине, «видя в нем многие нестроения и великую в делах его скудость». Как Петр проводил «исправления» и «наводил порядок» среди своих подданных, известно всем. Но все же в церковных делах он опасался действовать грубо и прямолинейно. Провести реформацию в духе Лютера (чего хотелось бы Петру) было нельзя — у всех стоял перед глазами пример героического сопротивления старообрядцев, закоренелых раскольников, счастливых тем, что смогли пострадать

All this is true — in Russia at that time there was no better educated man than Feofan. But it was not in the least for his erudition that he went down in Russian eighteenth-century history, but rather for completely different character traits — opportunism and cynical pragmatism.

Our information about his origins is very vague. He may have been the son of some ruined merchant or somebody's illegitimate by-blow, but one thing is beyond doubt: the boy named Yeleazar lost his parents early. An uncle took an interest in the orphan's fate. This was Feofan Prokopovich, the rector of the Kiev Mogila Academy at which the gifted youngster received a splendid education. Then he furthered his studies in Lvov and, after adopting the Uniate faith, travelled on foot around almost the whole of Europe. In Poland and Germany he attended the famous Protestant universities and soon reached Rome itself.

Yelezar studied at the Vatican (and most probably converted to Catholicism), but some circumstances obliged him to flee hastily and in secret back to his homeland. He returned to the bosom of the

Orthodox Church and when he entered a monastery he adopted his uncle's name. The talented and educated monk was inevitably noticed in Kiev and in 1705 he was made professor of poetry at his alma mater, the academy. Soon, though, an event occurred that decisively changed his destiny: at the thanksgiving service held in Kiev in the presence of Peter the Great after the victory at Poltava in 1709, Feofan gave such a brilliant speech that the Tsar remembered the orator and later engaged him in state business. That business was to be the reform of the Russian Orthodox Church, which seemed to Peter archaic and opposed to his authority. It did not fit into the neat system of the "regular state" that the Tsar was creating.

The reform of the Church required untraditional acts and new activists. Such men were duly found — Feodosy Yanovsky, Feofan Prokopovich, Gavrill Buzhinsky, Feofilakt Lopatinsky and a handful of others. They were all Ukrainians or Poles by birth and linked by service to Peter's secular authority. But their exceptional abilities, their brilliant erudition and their fervent activities were in

Апофеоз Петра I. Картина неизвестного художника повторяет композицию гравюры Даниила Голяховского, поднесенной Петру Феофаном Прокоповичем. 1710-е годы.

The apotheosis of Peter I. This painting by an unknown artist imitates the composition of an engraving by Daniil Golyakhovsky, presented to Peter by Feofan Prokopovich. 1710s.?

Справа. Вид площади и собора святого Петра в Ватикане. Гравюра Доменико Пронти. 1790-е годы.

Right. View of St. Peter's Square and Cathedral in the Vatican. Engraving by Domenico Pronti. 1790s.

Благородный жест победителя: Петр I возвращает пленным шведским генералам шпаги после Полтавской битвы. Литография Петра Иванова с оригинала Бориса Чорикова. 1840-е годы.

The noble gesture of the victor: Peter I returns the captured Swedish generals their swords after the Battle of Poltava. Lithograph by Petr Ivanov from the original by Boris Chorikov. 1840s.

за веру. Страдальцев в России любят: только дай русскому человеку пострадать — и жизнь его освящается народной молвой и высшим смыслом, поэтому монархи по возможности старались не допускать этого.

Для реформы Церкви нужны были нетрадиционные действия, требовались новые люди. И такие нашлись — Феодосий Яновский, Феофан Прокопович, Гавриил Бужинский, Феофилакт Лопатинский и некоторые другие. Все они были родом украинцы или поляки, всех их объединяла служба светской власти Петра. Однако их необыкновенные способности, их блестящая ученость, их кипучая деятельность оказались обращены, в сущности, на дело уничтожения самостоятельности Русской Церкви. В сознании народа стала искореняться всякая альтернатива всеподавляющей, могучей силе государства.

Феофан, призванный Петром для осуществления реформы Церкви, оказался идеальным исполнителем — умным, тонким, творческим, но одновременно послушным, все понимающим, ловящим на лету туманные царские помыслы, которые он тотчас облакал в изящные слова. Весь его изощренный ум, живое восприятие, образное мышление, феноменальная эрудиция ученого, талант писателя были направлены на служение

Мартин Лютер — основатель протестантского учения, которое осуждает монашество и уход от мирской жизни и признает зависимость Церкви от государства, что импонировало Петру I. Портрет работы Лукаса Кранаха Старшего. 1529 год.

Martin Luther, the founder of Protestant doctrine, which condemns the monastic life and retreat from the world and recognises the dependence of the Church on the State, and which impressed Peter I. Portrait by Lukas Cranach the Elder. 1529.

Справа. Лубок. Цирюльник хочет раскольникову бороду стричь. Раскрашенная гравюра на дереве. Начало XVIII века.

Right. Popular print. A barber wants to shave the beard of a dissenter. Painted engraving on wood. Early 18th century.

Говорил Феофан прекрасно поставленным голосом, подчеркивая сказанное эффектным жестом, позой. Он явно наслаждался своей необыкновенной властью над аудиторией.

Feofan spoke with a finely modulated voice, emphasising what he said with effective gestures and poses. He clearly enjoyed his extraordinary power over his audience.

Монастырь святого Александра Невского. Гравюра Алексея Зубова. 1716 год.

The Alexander Nevsky Monastery. Engraving by Alexey Zubov. 1716.

essence directed towards destroying the independence of the Russian Church.

Feofan, whom Peter called upon to carry out the reform of the Church, proved an ideal agent — intelligent, subtle, creative, yet at the same time obedient, all-understanding, able to grasp the Tsar’s vague intentions “on the fly” and to immediately clothe them in elegant words. All his refined intellect, quick wits, versatile thinking, phenomenal scholarly erudition and talent as a writer were put in the service of the strongest, of his master. He could convincingly and strikingly prove absolutely anything: the correctness and necessity of denunciations (everyone has a duty to report on others and God approves of “unwanton condemnation”), the possibility of breaking the secrets of the confession, the need for filicide (in the case of Tsarevich Alexei) and the permissibility of changes in the order of a church service going back a thousand years to suit the secular authorities. When he was called upon to explain the ben-

сильнейшему, хозяину. Он мог убедительно, ярко доказать абсолютно все: правильность и нужность доносов (доносить обязаны все, и Бог одобряет «небездельный извет»), возможность нарушения тайны исповеди, необходимость сноубийства (в деле царевича Алексея Петровича), допустимость изменения тысячелетнего порядка церковной службы в угоду светской власти. Когда потребовалось обосновать пользу коллегиального управления Церковью в противовес единодержавию Патриарха, то Феофан блестяще делает это в пространном «Духовном Регламенте». Десятки примеров из мировой истории, изящных силлогизмов, цитат из Священного Писания и трудов отцов Церкви приводят читателя к твердому убеждению, что нет ничего хуже единовластия, что все благо — от коллективного управления, почти республики.

Однако если нужно обосновать безграничную власть самодержца рационалистскими аргументами, Феофан пишет фундаментальные трактаты «Слово о власти и чести царской» и «Правда воли монаршей», в которых убедительнейшим образом доказывает, что государь не только дан народу Богом, что он — его вожьд, кормчий, получивший власть над людьми в результате общественного договора, что нет ничего лучше единодержавия.

enefit of collegial government of the Church in contrast to the one-man rule of the Patriarch, Feofan did so brilliantly in the wordy *Spiritual Regulation*. Dozens of examples from world history, exquisite syllogisms, quotations from Scripture and the Fathers of the Church bring the reader to the firm conviction that there is nothing worse than autocracy and that all benefits derive from collective government, almost a republic.

But when he has to justify the unlimited power of the autocrat with rationalistic arguments, Feofan writes the fundamental treatises *A Word on the Power and Honour of the Tsar* and *The Truth of the Monarch's Will*, in which he convincingly demonstrated that not only had the Tsar been given to the nation by God, that he was its leader, its helmsman, given power over people through a social contract, that there was nothing better than autocracy.

Most importantly, though, with all their talents, with all their fervent activities, Feofan and his fellows in the Synod persistently and consistently promoted the general idea behind the transformation of the Petrine era — the establishment of com-

Петр I. С картины Валентина Серова.
Справа. Собор Софии Новгородской, в котором звучал голос Феофана и где его похоронили.
Peter I. From a painting by Valentin Serov.

Right. St. Sophia's Cathedral in Novgorod, where Feofan's voice was heard and where he is buried.

На Аптекарском острове располагались пригородные усадьбы приближенных Петра I, включая дачу Феофана. План художника Сазонова. Конец XVIII века.

The country estates of Peter I's closest advisers, including Feofan, were on Aptekarsky Island. Plan by the artist Sazonov. Late 18th century.

Троицкий собор, заложенный 16 мая 1703 года, — первый храм Санкт-Петербурга. Здесь Петр I принял титул российского императора. Гравюра на дереве К. Вейермана с оригинала К. Нисченкова. 1872 год.

Trinity Cathedral, founded on 16 May 1703 — St Petersburg's first church. Peter accepted the title of Emperor of Russia here. Engraving on wood by K. Veyerman from the original by K. Nischenkov. 1872.

Феофан с увлечением писал не только доносы и проповеди, но и стихи, а также пьесы, исторические сочинения, трактаты по логике, физике, поэтике, педагогике. Платон, Аристотель, Цицерон были ему так же знакомы, как и Коперник, Галилей, Спиноза. Всех их, как и других мыслителей древности, средневековья, Возрождения и Нового времени, он читал в подлиннике, знал и любил.

Feofan enthusiastically wrote not only denunciations and sermons, but also poems, plays, historical essays, and treatises on logic, physics, poetics and teaching practice. Plato, Aristotle and Cicero were as familiar to him as Copernicus, Galileo and Spinoza. He read all of them, and other thinkers of Antiquity, the Middle Ages, the Renaissance and the Modern Era, in the original, knew and loved them.

Но самое главное: всеми своими талантами, всей своей кипучей деятельностью Феофан и его сподвижники по Синоду настойчиво и последовательно проводили генеральную идею преобразований Петровской эпохи — установление полного и безусловного контроля власти над всеми сферами жизни русского человека, над его духовной, земной и загробной жизнью, над его телом и душой.

Петр так ненавидел монашество не потому, что среди монахов было немало бездельников, а потому, что не терпел, чтобы в обществе, которое он создавал в России, кто-то мог быть неподвластен (хотя бы в душе!) всепроникающей силе государства. Петру была невыносима мысль о том, что кто-то может служить не ему, земному властителю, а другому, пусть даже высшему, владыке. Широко известна история о том, как в Синоде стали просить царя восстановить отмененное в 1700 году патриаршество. Петр в ярости вырвал из ножен кортик, с силой вогнал его в стол заседаний и закричал: «Вот вам патриарх! Ему и подчиняйтесь!»

Чем же вообще руководствовался Феофан в жизни? Вряд ли верой, сомнительно, чтобы он искренне верил в Бога, уж слишком далеко расходятся его дела с принципами веры. Но при этом он не был злодеем, развратником, сребролюб-

plete and unqualified state control over all spheres of a Russian's life.

Peter had such a hatred for monastics not because there were no few idlers among the monks, but because he could not tolerate the idea that in the society that he was creating in Russia somebody might not be subservient (even in their soul!) to the all-penetrating power of the state.

What was it that guided Feofan in life? It can hardly have been faith — indeed it is doubtful whether he did sincerely believe in God, so far removed were his deeds from the principles of faith. Yet he was not a villain, a libertine or greedy for money. No! Feofan was a true son of the European seventeenth century, a time when people were intoxicated by scientific discoveries. This was the age of boundless faith in reason, in the capacities of man, who through knowledge could change himself and nature. God and morality were shifted out of sight, out of mind — it was after all obvious that the world evolves in accordance with the laws of mechanics and mathematics, as shown by Newton, Descartes and Locke.

All these ideas were close to Feofan's

цем. Нет! Феофан был истинным сыном европейского XVII века, времени, когда людей пьянили научные открытия. Это был век безграничной веры в разум, в способности человека, который, благодаря знаниям, может изменить и себя, и природу. Бог и мораль были отодвинуты подальше с глаз долой — ведь очевидно, что мир развивается по законам механики, математики, по Ньютону, Декарту, Локку.

Все эти идеи были близки Феофану. Он, как и Петр, считал себя носителем новых знаний, новых передовых принципов. В этой ситуации со «старьем» церемониться не приходилось — прогресс не считается с моралью, верой и традицией. Конечно, сам Феофан разительно

Феофан Прокопович. Резцовая гравюра. XVIII век.

Feofan Prokopovich. Carved engraving. 18th century.

heart. He, like Peter, considered himself the bearer of new knowledge, new progressive principles. In such a situation there was no call to go gently with the “rummage” of the past — progress takes no heed of morality, faith and tradition. Of course Feofan himself differed dramatically from the ignorant Russian clergy. He had a well developed sense of beauty; he was full of a love of knowledge, gripped by a genuine passion for books, art and poetry. But all the fire in his ardent heart was directed towards self-affirmation. It manifested itself in a desire to be first, best, prominent in all things. In short, his pride was stronger than all his vices and weaknesses. In addition he loved to play a role, was a great actor and a real silver-tongued orator. Feofan knew human nature and how words could influence. He had a fine sense of the moment

отличался от невежественного русского духовенства. У него было развитое чувство прекрасного, он был преисполнен любви к знаниям, охвачен подлинной страстью к книгам, искусству, поэзии. Но вся страсть его пылкой души была направлена на самоутверждение. Она проявлялась в стремлении во всем быть первым, лучшим, заметным... Словом, гордыня была сильнее всех его пороков и слабостей. К тому же он любил лицедействовать, был великим артистом и настоящим златоустом. Феофан знал человеческую природу, подвластную слову, тонко чувствовал обстановку, публику, мог говорить так, что люди замирали от восторга, плакали от скорби, мысленно переносились за тысячи верст и сотни лет... Он явно наслаждался своей властью над аудиторией. Даже сейчас, произнося архаичный для нашего слуха текст его траурной речи на погребение Петра Великого в 1725 году, мы не можем не почувствовать всей мощи таланта, всей гибкой выразительности его языка: «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем?.. Петра Великого погребаем! Не мечтание ли сие? Не сонное ли нам привидение? Ах, как истинная нам печаль! Ах, как известное наше злочлоение!..»

И всего десять минут длится эта вошедшая во все хрестоматии русского

Кончина Петра Великого. Литография Петра Иванова с оригинала Бориса Чорикова. 1840-е годы.

The death of Peter the Great. Lithograph by Petr Ivanov from the original by Boris Chorkov. 1840s.

Портрет Екатерины I. XVIII век. Portrait of Catherine I. 18th century.

and his audience. He could speak in such a way as to make people go rigid with rapture, weep with sorrow, picture themselves a thousand miles or a hundred years away. He clearly enjoyed his power over his listeners. Even know, when reading over the archaic-sounding text of his eulogy at the funeral of Peter the Great in 1725, we cannot but feel all the might of his talent, all the lithe expressiveness of his tongue: “What is this? What have we come to, o Russians? What do we see? What are we doing? ... We are burying Peter the Great! Is this not a dream? Not a vision brought by sleep? Oh, how genuine the sorrow is to us! Oh, how aware we are of our misfortune! ...”

This speech that has gone down in all the textbooks of the Russian language lasts only ten minutes. It was impossible to speak longer — the long, hard day of the funeral rites has exhausted hundreds of people. They were already numbed by sorrow and exhaustion. Now they had to be awakened again, to have their feelings heightened...

Feofan would not have been the Byzantine courtier that he was, if he had failed to immediately draw the attention of all

Конклюзия на престоле-наследие. Работа Георгия Муסיкиевского — первого русского художника-миниатюриста. 1717 год. The decision on the succession to the throne. Painting by Georgy Musikiyevsky, the first Russian miniaturist. 1717.

Царевны Анна Петровна и Елизавета Петровна. Портрет работы Луи Каравака. 1717 год. Tsarevnas Anna and Elizabeth. Portrait by Louis Caravaque. 1717.

После смерти Петра I Феодосий Яновский поносил покойного, называл его страшным грешником, тираном и распутником. Вскоре произошла его ссора с Екатериной I, и Феодосий закончил свою жизнь замурованным в келье Николо-Карельского монастыря. Портрет работы Алексея Антропова. 1770-е годы.

After the death of Peter I, Feodosy Yanovsky reviled him, calling him a terrible sinner, a tyrant and a libertine. Shortly afterwards he argued with Catherine I and ended his days shut up in a cell in the St. Nicholas Monastery in Karelia. Portrait by Alexey Antropov. 1770s.

97

Стефан Яворский был местоблюстителем патриаршего престола с 1700 года, в 1721-м был назначен президентом Синода. В своей книге «Камень веры» выступил против подчинения Церкви светской власти. Гравюра на дереве. 1872 год. Stefan Yavorsky was locum tenens of the patriarch's throne from 1700 onwards, and was appointed President of the Synod in 1721. In his book *The Rock of Faith* he opposed the subordination of the Church to secular power. Engraving on wood. 1872.

языка речь. А долгие говорить и нельзя — тяжелый и долгий день траурной церемонии утомил сотни людей, они уже отупели от скорби и усталости. Сейчас нужно вновь пробудить, обострить их чувства...

Феофан не был бы Феофаном-царедворцем, если бы тут же не обратил всеобщего внимания на стоящую у гроба преемницу Петра Екатерину I: «Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру Великому... Как нам не надеяться, что зделанное от него утвердиши, недоделанное совершиши и все в добром состоянии удержиши». Впрочем, понимая, что век Екатерины может быть недолог, Феофан поминает и присутствующих в соборе возможных преемников престола — «дщерей, внуков, племянниц». Словом, несмотря на трагизм момента, далеко вперед смотрит Феофан, готовя себе место и подле них, будущих государей. Потом историк Церкви митрополит Евгений осторожно напишет о Феофане: «Все четыре монарха, при коих он служил, изъявляли ему всегда отличную доверенность — но и он жертвовал им всем».

Да, он «жертвовал» — сгибался перед сильными, ласкался к фаворитам, перебежал из одного лагеря в другой. Ему, «карманному попу», была необыкновен-

present to Peter's successor, Catherine I, standing by the coffin. But, realizing that Catherine's reign might be brief, Feofan also mentioned the other possible inheritors of the crown present in the cathedral — “daughters, grandchildren, nieces”. In short, despite the tragedy of the moment, Feofan looks far ahead, preparing himself a place at their side too, should they come to power. The Church historian Metropolitan Yevgeny would later write cautiously of Feofan: “All four monarchs under whom he served always expressed exceptional trust in him — but he too sacrificed everything for them.”

Yes, he “sacrificed” — bowed down before the powerful, made up to the favourites, defected from one camp to another. The endearments of secular authority were exceptionally important to him, the “pocket priest”, because more than anything he loved earthly delights and pleasures. With great care, not limiting himself in any way, he constructed his residences, adorning them with fine furniture and paintings. He spared no expense and enjoyed exotic dishes. He was immensely fond of life and afraid of death, considering it “the most wicked of

но важна ласка светской власти потому, что он больше всего на свете любил земные удовольствия и наслаждения. С большим тщанием, не ограничивая себя ничем, он строил свои подворья, украшал их прекрасной мебелью, картинами. Он не жалел денег и наслаждался экзотическими блюдами. Он безмерно любил жизнь и боялся смерти, считая ее «злом всех зол злейшим». Феофан видел блаженство не в сосредоточенной молитве, подвижничестве или страдании за веру или людей, а в ином: он писал, что «блаженство человеческое состоит в совершенном изобилии всего того, что для жизни нужно и приятно. К сему относится особенно выгодность, красота и приятность места, благорастворение воздуха, здравие пищи и плодоносие земли и проч.».

И уже только поэтому Феофан был так зависим от милостей власти, так боялся лишиться возможности наслаждаться этой жизнью. Ведь он не хотел судьбы своего товарища по Синоду Феодосия, который как-то раз проявил строптивость при дворе Екатерины I и умер в собственных нечистотах, замурованный в холодной монастырской келье. А удержаться на плаву в то время было трудно. Врагов у него было множество — одни ненавидели его, хохлацкого чужака, за еретичество, за презрение к русским

all evils”. Feofan saw bliss not in concentrated prayer, acts of devotion or suffering for the faith or for others, but in something else: he wrote that “human bliss consists in a perfect abundance of everything necessary and pleasant in life. That particularly includes the advantageousness, beauty and pleasantness of a place, healthy air, good food, fertile soil and so on.”

And already for that reason alone Feofan was so dependent on the favours of the authorities, so afraid of losing the chance to enjoy this life. He most certainly did not want to share the fate of Feodosy, another member of the Synod, who on some occasion made a display of obstinacy at the court of Catherine I and died shut up in a cold monastic cell. But it was not easy to stay afloat in that period. He had a host of enemies — some hated him, the Ukrainian outsider, for heresy and his scorn of Russian ecclesiastical traditions, others for the evil he had done to them personally, others still for the fact that he was talented, intelligent, educated and close to the throne. Feofan, who was quite often hit on one cheek, never turned the other and did not have the habit

церковным традициям, другие — за зло, которое он лично им делал, третьи — за то, что он талантлив, умен, образован, приближен к государям. Феофан, не раз битый в левую щеку, никогда не подставлял правую и не имел пагубной для многих привычки прощать. Он упорно преследовал своих идейных и личных врагов, засаживал недоброжелателей в дальние монастыри и тюрьмы, на каждый донос на него писал встречный донос. По словам одного из своих биографов, Феофан всю свою жизнь не покидал Тайной канцелярии: был там либо подследственным, либо обвинителем, либо сам писал доносы, либо, наконец, оправдывался, когда доносы писали на него.

Это была трудная, одинокая жизнь. Датский путешественник фон Хаген пишет, что Феофан был «человек одинокий, вообще без каких бы то ни было друзей». Впрочем, у него был свой круг общения — начальник Тайной канцелярии Петр Толстой, а потом сменивший его на этом посту Андрей Ушаков. Феофан был их сподвижником, специалистом по духовным делам. Он вошел в историю как настоящий инквизитор — умный, циничный и беспощадный. Вместе с Феодосием Яновским и Питиримом Нижегородским Феофан безжалостно преследовал старообрядцев. И дело было не только в чистоте веры — как раз в чистоте

православия Феофана можно сомневаться, а в желании добиться моральной победы над «зазеленелыми раскольниками». Не раз он участвовал в «дискуссиях» с ними, притом один из «дискутантов» висел на дыбе в застенке, а другой сидел в золоченом кресле, зажимая нос белым платочком. До самой смерти Феофан писал отзывы на изъятые при обысках рукописи, присутствовал при пытках, советовал Ушакову, к каким казням приговорить несчастных узников...

Но избранная им когда-то суетная жизнь не принесла ему умиротворения, не спасла от самого страшного для него «злейшего зла»: датчанин фон Хаген в 1736 году гулял по прекрасному саду Феофана на Аптекарском острове с дряхлым, усталым, больным стариком, хотя тому еще не было и шестидесяти. Это было последнее лето архиепископа... ■

Петр Толстой — начальник Тайной канцелярии. Портрет работы Георга Гзеля. 1720-е годы.
Piotr Tolstoy, Head of the Secret Chancellery. Portrait by Georg Gzel. 1720s.

Самое страшное для Феофана «злейшее зло» произошло 8 сентября 1736 года — он умер. Его с великим почетом похоронили в одной из святынь русского православия — в храме Софии Новгородской.

The “wickedest evil” came to Feofan on 8 September 1736: he died. He was buried with great honour in one of Russian Orthodoxy’s sacred places — St. Sophia’s Cathedral in Novgorod.

of forgiveness that had proved fatal to many. He doggedly pursued his ideological and personal foes, had ill-wishers shut up in distant monasteries and prisons, and for every denunciation of him he wrote a counter-denunciation. In the words of one biographer, Feofan spent his whole life in the Secret Chancellery: either under investigation himself, or an accuser; either writing denunciations himself or, at last, demonstrating his innocence when denunciations were written against him.

It was a hard, lonely life. The Danish traveller von Hagen wrote that Feofan was “a solitary man, without any friends at all”. But he did have his social circle — Piotr Tolstoy, the head of the Secret Chancellery, and then Tolstoy’s successor Andrei Ushakov. Feofan was their fellow-fighter, a specialist in spiritual affairs. He went down in history as a true inquisitor — intelligent, cynical and merciless. Together with Feodosy Yanovsky and Pitirim of Nizhny Novgorod, Feofan pitilessly harried the Old Believers. To the end of his days, Feofan wrote opinions on manuscripts confiscated during searches, attended torture sessions and advised Ushakov on

what manner of execution the unfortunate prisoners should be sentenced to.

Yet the earthly life that he at some point chose did not bring him consolation, did not save him from what he feared most, “the wickedest evil”. In 1736 von Hagen strolled around Feofan’s beautiful garden on Aptekarsky Island with a feeble, tired, sick old man, although he was not yet sixty. That was the Archbishop’s last summer. ■

Лубок, появившийся вскоре после похорон Петра I. Мыши ката погребают. Раскрашенная гравюра на дереве. XVIII век.

Popular print that appeared soon after Peter I’s funeral. Mice are burying a cat. Painted engraving on wood. 18th century.